Дорогой Нагасава Мотоджиру-сама.

Сначала я не знала, что мне делать с твоим письмом, и проигнорировала его. Но прошло несколько дней, я снова вернулась к нему. Перечитала то, что ты написал, и, в конце концов, села писать ответ, хотя это решение для меня, только что достигшей восемнадцатилетия, остаётся загадкой. Ведь, если смотреть правде в глаза, я ничего о тебе не знаю. А ты, сдаётся мне, знаешь что-то обо мне. Нет ничего более странного, чем внезапное письмо, пришедшее от того, кого я никогда не встречала, что уж говорить об ответе на такое письмо.

Когда я рассказала о письме друзьям из детского дома, они отшутились. Одни сказали, что оно написано из чувства жалости к таким, как я, и что это такое странное хобби у людей, которым не на кого направить свою доброту и которые стремятся всем помочь. Другие предположили, что письмо ничего не значит. Либо послание — приглашение в страшную религиозную секту. В общем, они посоветовали мне не писать ответ.

И сперва мне тоже казалось это подозрительным. Но, стоило забрезжить утреннему рассвету, а миру - стряхнуть с себя сонные оковы и вернуться к жизни… Не знаю, я никак не могла избавиться от странного чувства. Письмо, лежавшее на моём столе, я знаю, что это может прозвучать странно, пришло от управляющего недвижимостью, который обил все пороги, лишь бы найти меня.

Поэтому мои подозрения исчезли, как по мановению волшебной палочки. Но не стоит заблуждаться — это не значит, что я верю тебе. Как ты отметил в письме, мне «тяжело доверять людям». Будет лучше сказать, что я пишу ответ, не избавившись до конца от подозрений. Потратив все силы на сомнения и решив больше не медлить, я открыла твоё письмо.

Взглянув на слова, аккуратно выстроившееся в строчки, я почувствовала странное тепло в груди. Хотя, лучше сказать, тёплую атмосферу, или даже заботу, понимание и внимание, которыми письмо пронизано насквозь. Тогда я поняла, что в нём нет никаких злых намерений. Я, конечно, не могу утверждать, но хочу в это верить.

Я понимаю, что «хочу в это верить» звучит очень странно. Но, прошу, не пойми меня неправильно. Мне не хочется, чтобы ты думал, будто твоё письмо понравилось мне только потому, что я чувствую себя одинокой. Конечно, я одинока и именно поэтому пыталась убить себя. Но отложим это на потом. Ещё одна причина, по которой я тебе отвечаю, – мы никогда не виделись, но, кажется, ты что-то обо мне знаешь.

Как человек, утверждающий, что никогда не выезжал из Хоккайдо, так точно определил моё местонахождение? Разве это не странно?

Я долго живу в приюте, и мне тяжело доверять людям, в том числе в вопросах религии. Я не верю ни в Бога, ни в Будду. Нет, не так, если точнее: для меня они не существуют. Возможно, именно в этом некоторые найдут источник моих проблем с доверием, но ты шагнул чуть дальше и написал: «Но в реальности, Ририка-сан, ты бы очень хотела верить другим».

Не хочется признавать, но ты прав. Я никому не доверяла всю жизнь и не умею этого делать. Но глубоко в душе желаю, пусть и знаю, насколько это пугающе глупо, хотя бы раз в жизни кому-то довериться.

Я никого никогда не любила. И я сейчас не о распространённой любви - сексуальной близости, а о нормальной, ну, ты, наверное, представляешь, что такое «нормальная» любовь. В общем, о нормальной, о той, где я бы просто кого-то любила. Я на это не способна.

Даже к людям, что попали в схожую с моей ситуацию, я не испытываю никакой симпатии. Поэтому, должна признаться, писать письмо незнакомому человеку для меня очень странно.

Я никогда не отвечала на письма, которые присылали мои знакомые. Если какие-то вещи можно решить по телефону, я решу их по телефону. Так было всегда.

Возможно, я пишу тебе потому, что никто никогда не говорил мне, что я нуждаюсь в доверии. А ещё потому, что ещё никому не удавалось подобрать настолько ёмкие и хлёсткие слова, которые бы проняли такого упёртого и закрытого человека как я.

Ты также писал: «Ты думаешь, что все люди идиоты. Ты думаешь, что они грязные, что они были рождены, чтобы обманывать друг друга, но, если взглянуть с другой стороны, ты ещё надеешься испытать любовь».

Если бы ты остановился на этом, я бы не согласилась. Но ты добавил: «Но ты не знаешь, как обратить эту мечту в реальность, и потому продолжаешь думать о смерти». Хоть я и не хочу признавать, но ты прав.

Я необщительный человек, если мерить по приютским категориям. Я и не жизнерадостна, но меня не пытаются понять, не заглядывают под мою маску, с которой я срослась с рождения. И люди вокруг, особенно те, кто работает в приюте «Звёздный Свет», уже давно решили, что маска - моё настоящее лицо. Это подтолкнуло меня к ещё большему одиночеству.

Я мрачна не потому, что выросла в приюте. Я просто ненавижу слово «любовь» до такой степени, что меня начинает тошнить от одной мысли о нём. Может, я просто завидую беспечным и жизнерадостным людям, которые его придумали.

Я не могу не возмущаться, когда слышу фразу «любить и быть любимым». Но я и не дохожу до насилия, как это делают многие. Неважно, как жестоко со мной поступали работники приюта, я ни разу не пыталась отсюда сбежать. Я просто закрылась от внешнего мира.

Но, прошу, не пойми меня неправильно. Я не понимаю любовь не потому, что я росла без родителей, которые меня бросили. Я просто не хочу стоять рядом с теми жалкими существами, которые притворяются, будто их любят.

Если так подумать, 99% всего в мире создано из лжи. И люди, которые радуются лжи, или те, кто не притворяются одинокими и заводят себе всё больше друзей по переписке, кажутся мне просто полными идиотами. Я даже не могу их пожалеть.

Ты также можешь сказать, будто я завидую тем, кто купается в лучах фальшивой любви. Но, если мне когда-нибудь дадут возможность надеть эту маску, которую рано или поздно сорвут с моего лица, я предпочту горькую правду, чем сладкую ложь.

Так я всегда думала. Поэтому меня тянет к смерти: она привлекает меня спасением от всего этого притворства.

Ты также написал: «желать смерти – то же самое, что и верить в любовь». Ты сказал, что, если дело в этом, я должна попытаться найти настоящую любовь, которая поможет мне ощутить вкус жизни.

Именно тогда мне стало интересно, почему ты можешь это утверждать, какой ты человек, почему ты такой приставучий, нет, такой сочувствующий. Честно говоря, насколько мне приятно твоё письмо, настолько оно злит меня. У меня мурашки бегут по коже, когда я думаю,

что получаю письма от какой-нибудь религиозная организация, и, как овечка, иду прямиком в лапы к волку. Но, даже если я и попадусь в ловушку, мне нечего терять. Возможно, поэтому я и не боюсь.

И, хоть часть меня в ярости и не желает, чтобы ты лез не в своё дело, другая часть нуждается в нашей переписке.

Для такого человека как я получить письмо от незнакомого адресата – это как ответить на звонок незнакомого человека. Поначалу я рассматривала ситуацию как забавный инцидент. Если быть точнее, я считала это искоркой в моей скучной жизни. Сначала я прочитала письмо с презрением, а мои друзья высмеяли его. Я даже не пыталась вникнуть в него, бросила на стол и почти забыла о его существовании.

Так почему я не могу разорвать и выкинуть письмо в мусорное ведро? Глупо, но реальность такова, что я заинтригована. Открыв письмо во второй раз, я всё читала и перечитывала его, пока слова не отпечатались на сетчатке. А потом сама не заметила, как села писать ответ.

Не могу сказать почему, но с моих плеч как будто сняли огромный груз. Будет преувеличением сказать, что я могу быть честной с тобой. Но мне, как человеку, что вечно прятал мысли внутри и никогда их не озвучивал, это показалось спасением, небольшим, но спасением.

Возвращаясь к изначальной теме, хочу сказать, что я давно увлечена смертью. Прошёл всего месяц с моей первой попытки суицида, которая наделала много шума. С начала этого года я думала о смерти тысячи и тысячи раз. Хоть и кажется, будто смерть наступает легко, но на деле приходится пройти через много препятствий прежде, чем попадёшь на ту сторону.

Та часть твоего письма, где ты писал: «желать смерти – то же самое, что и верить в любовь», пронзила меня в самое сердце. Обычные люди не поймут смысл этой строчки, но мне он видится ясно, как день. Я боюсь поверить в любовь, а потому выбрала быструю и лёгкую «смерть». Хоть, к несчастью (или к счастью?), у меня ничего не вышло.

Раньше я видела вскрытые вены только в фильмах, так что не знала, как правильно это делается. Мои мысли были только о смерти, и, не успев подумать об этом, я порезала запястья перочинным ножом. Вскоре я поняла, что от такого люди не умирают. Знаю, что звучит странно, но люди – крепкие орешки, вы так не думаете? Свою роль сыграло и то, что меня быстро нашли.

Мне сказали много неприятных слов об этой попытке. В том числе о том, что так я пыталась вызвать у людей жалость. Мне кажется, такие замечания неизбежны. К тому же я порезала вены в общей душевой, а потом, не зная, что делать, осталась там на полу. Именно так меня и нашли работники приюта, которые вызвали скорую. Меня забрали в больницу. Оказалось, что надрез не задел артерию, но из-за значительной потери крови меня оставили там на ночь.

Директор приюта ожидаемо доложил полиции, что это был несчастный случай, а не спланированная попытка суицида, и случай постарались забыть побыстрее. К тому же в последнее время «Звёздный Свет» атакует пресса, так как директора и нескольких работников обвиняют во многолетнем насилии над детьми. Они боятся, что если хоть кто-то узнает обо мне, на них обрушится очередная серия нападок от прессы. Знаю, мне необязательно об этом рассказывать, но я с самого детства помню, что в нашем приюте царило насилие, и мы жили в каждодневном страхе перед директором-тираном Сасаки, и многие сбежали. Среди них были те, кто обратился в газету, и их истории опубликовали пару месяцев назад. Потому работники приюта пока пытаются себя сдерживать.

Ты, должно быть, думаешь, почему столько лет никто ничего не делал, пока дело не получило огласку в СМИ? Но мы пытались: сбегали в детскую больницу, обращались в полицию, даже писали в правительство Токио. Но все только смеялись над нашими мольбами о помощи, не верили ни единому нашему слову, а тех, кто сбежал, возвращали обратно в приют. И наказание за это было жестоким.

Из-за такого непрерывного цикла я всегда думала, что умереть – не так уж и плохо. Моё желание умереть — не попытка бунтовать. Я пыталась убить себя потому, что так проще.

Забавно, но меня даже не наказали. Наоборот, из-за страха, что это может повторится, а скрыть ситуацию будет невозможно, директор махнул на меня рукой.

Ещё одной причиной, почему меня не наказали - мой возраст: я самая старшая в приюте. Думаю, они понимают, что меня будут слушать намного охотней, чем если бы я была маленьким ребёнком.

Но я пыталась убить себя не из-за насилия в приюте. Моё желание умереть возникло из-за безнадёжности, которую я чувствую рядом с людьми. Конечно, жизнь здесь наложила свой отпечаток, но ненависть к родителям и к обществу в целом затмевает происходящее в приюте.

О, мне всё ещё не удалось понять, зачем я пишу такое длинное письмо человеку, которого даже не знаю. Может, потому что я одинока. Может, я сама иду прямиком в ловушку. Может, я настолько одинока, что готова разболтать вам о своей жизни всё, пусть вы и можете оказаться членом какой-нибудь секты. Я заслуживаю жалости? Моё тело меня не слушается. Всё как будто бы онемело.

Стоит ли мне отправить это письмо? Я его уже дописала, но до сих пор не могу решить. Кто ты такой? Почему ты прислал мне письмо? Сейчас это уже не так важно, но мне всё равно интересно. Но я не люблю ждать, а потому и ответ твой ждать не буду. Будем считать, что я просто выговорилась в пустоту. Вот и всё. Ничего особенного в этом письме нет.

Что ж, моё письмо вышло определённо самым длинным из тех, что мне доводилось писать. Оно заняло много времени. Мне пришлось много раз открыть словарь ради незнакомых мне кандзи, так что письмо может быть сложно читать. Прошу прощения за это.

10 октября.

Тооно Ририка.

Обойдёмся без условностей….

До того, как отвечу на вопрос, кто я такой, объясню, почему я написал тебе. Вскоре после твоей попытки суицида я получил письмо от кое-кого из приюта «Звёздный Свет». В нём отправительница попросила меня написать тебе, чтобы поддержать. Она также в деталях рассказала о твоей ситуации и указала, что обычно ты была довольной тихой и умной девушкой с высокими оценками в учёбе.

Если быть предельно честным, я тоже вырос в приюте. Прямо сейчас я работаю оператором канатной дороги в горах Хакодатэ, но, когда мне было 5, мои родители бросили меня, и так я оказался в приюте «Дружба». Примерно пять лет назад мне предложили работу в этой компании.

Я оператор, но не управляю кабинками изнутри. Моя работа в том, чтобы следить за

кабинками из комнаты управления с прекрасным видом на станцию Фумото. Ещё в мои обязанности входит помогать людям, которые выходят на станциях Фумото и Санчу. В общем и целом, моя работа заключается в том, чтобы кабинки благополучно достигали места назначения.

Возвращаясь к изначальной теме, женщина, которая написала мне, раньше работала с человеком из моего приюта. Примерно месяц назад он получил письмо, которое было адресовано мне. В нём рассказывалось о девушке, попавшей в такую ситуацию, и меня просили подбодрить её добрым словом. Иначе говоря, оно было написано немногим позже твоей попытки суицида. Я не знаю, почему выбрали меня. Может, потому, что у меня схожий с твоим опыт: в твоём возрасте, я предпринял множество безуспешных попыток убить себя. Я был тронут верой в меня, и потому согласился.

Но в реальности, когда я начал писать письмо, мне самому надоела моя дотошность. Нет ничего сложнее, чем подбодрить незнакомого тебе человека. Мне стало стыдно за свою легкомысленность. Может, именно поэтому мне потребовалось два дня, чтобы дописать первое письмо.

Не отрицаю, я надоедливый. Так же я могу понять, почему ты считаешь меня членом религиозной сексты. Но мне бы хотелось доказать тебе, что мир не так ужасен, как ты думаешь. Я также надеюсь, что в твоём приюте ещё остались небезразличные люди.

Хоть та женщина и хотела остаться анонимной, но мне сложно скрыть то, из-за чего я тебе написал. Любой, кто получит подобное письмо, начнёт подозревать всякое, так ведь? Однажды ты бы и сама узнала, кто тот человек, так что я сэкономлю нам время и возьму на себя ответственность сказать, что это твоя хорошая знакомая – Михара Норико-сан.

Её я лично не знаю, но мне показалось, что она правда за тебя переживает. Думаю, она видела, что у тебя мало друзей и что ты постоянно проводишь время в одиночестве. И хотела бы, чтобы ты нашла связь с миром через человека, который вырос в похожей ситуации и может понять твои чувства. Ты права – тут правда был заговор. Но, прошу, не подумай неправильно – Михара-сан хотела как лучше. С моей стороны заявляю, что я пишу письмо не из-за желания угодить ей. Я пишу его (пусть это и прозвучит преувеличенно) с чувством, какое мог бы испытывать к младшей сестре, и надеюсь, что (хоть я и старше, но пережил подобный опыт) смогу тебе помочь.

Что ж, объяснение затянулось, но, надеюсь, теперь ты лучше понимаешь, почему я тебе написал.

В общем, Михара-сан самый близкий к тебе человек в приюте, я прав? Но в своём ответе ты написала, что никому не доверяешь. Может, Михара-сан придумала вашу связь. Так или иначе, она также упомянула о проблемах вашего директора и приюта в целом и призналась, что ничего не может поделать с насилием и не может защитить детей. И я верю её словам.

Через полгода тебе придётся уйти из приюта, я прав? Михара-сан беспокоится о том, что с тобой будет дальше, потому что она больше ничем не сможет тебе помочь. Возможно, поэтому она придумала найти тебе своеобразного наставника, который бы остановил тебя, если ты снова решишь попробовать покончить с жизнью. Я думаю, что она очень боится за тебя и переживает потому, что ты не обратилась со своими проблемами к ней. С твоей точки зрения, возможно, она суёт нос не в своё дело, но в письме она показала, что искренне переживает о твоём будущем.

На этом причины, по которым я написал тебе, заканчиваются. Тебя это задело? Я переживаю, что мог затронуть твою гордость, но моё письмо было не совсем о поддержке и не совсем для тебя. Скорее, я обращался к восемнадцатилетнему себе. Тогда я был сильно оторван от реальности и не мог никому открыться. Поэтому я и написал ту строчку: «Желать смерти – то же самое, что верить в любовь». Это то, что я хотел бы сказать себе прежнему. Это то, как я себя чувствовал.

Я воспользовался удобным случаем, чтобы поговорить с одиноким восемнадцатилетним собой и сказать ему, что в будущем мы сможем доверять людям.

Похожие случаи насилия происходили и в моём приюте. Если пытаться уложить меня в какой-то тип человека, то я был тем, кто легко уживался с миром и избежал страха взросления. Я не жаловался на свою жизнь, но страдания других иссушили меня. Мне казалось, что насилие, обращённое на них, сказывается на мне со стократной силой, и вскоре я смертельно от этого устал. Я так и не понял, что привело меня к мыслям о смерти. Это было не одиночество. Не знаю, как сказать точнее, но я чувствовал себя консервной банкой, под завязку наполненной ничем. Абсолютной пустотой.

Только когда вышел в общество, я стал немного (или, по твоему мнению, очень даже) прямолинейным. Или, если смотреть на это с положительной точки зрения, у меня появилась вера в свою жизнь. Думаю, роль сыграли люди в компании, в которой я сейчас работаю. Я благодарю Бога за нашу встречу, потому что с тех пор ни разу не задумывался о суициде. Думаю, именно тогда я убедился, что общество, которое могло бы принять меня таким, какой я есть, действительно существует. Должность оператора, которую мне предложили, была первым якорем, знаком, что я к чему-то принадлежу. Сейчас у меня всё хорошо. Да, сейчас я живу нормальной жизнью.

Поэтому я подумал, что смогу понять твоё состояние и как-нибудь помочь.

Да, я очень добросердечен и не могу пройти мимо человека, который переживает те же трудности, что и я. Но не воспринимай это как попытку пожалеть или обмануть тебя.

Я знаю, что плох в объяснениях, так что мне остаётся только надеяться, что ты меня поймёшь.

Если всё в порядке, ты не против обмениваться письмами ещё какое-то время?

Я не пытаюсь важничать или говорить, что мы обязательно должны стать друзьями, потому что мы похожи. Я просто считаю, что это своего рода судьба.

Своего рода судьба.

Когда ты думаешь о том, что на земле живут ещё тысячи миллионов людей, тебе не кажется, что мы встретились как будто по велению колеса Фортуны? Что это - наше предназначение? Что ответ ты написала по велению судьбы? Думаю, мне стоит дорожить этим случаем, как самым ценным сокровищем.

У тебя есть кто-нибудь, кому ты можешь рассказать обо всём на свете? У меня никогда не было такого человека. Но когда я начал тут работать, у меня появились друзья. Я хотел умереть именно потому, что мне некому было рассказать о своих чувствах. Мы никогда не виделись, но я, исходя из личного опыта, заявляю: стоит избавиться от таких мыслей, и ты будешь рада, что осталась жива. Надеюсь, это не прозвучало слишком навязчиво.

Но я могу с уверенностью сказать: я рад, что жив. Я хочу донести до тебя это чувство и

сказать, что твоя жизнь только начинается.

У меня нет семьи, и я бы хотел думать о тебе, как о сестре, с которой могу общаться по переписке.

Мы могли общаться в интернете, как это сейчас популярно, но письма… Как сказать? Письмо ты можешь потрогать. Это то, что оставит след, да? Его можно достать из ящика, посмотреть на него, повертеть, понюхать. Можно узнать о настроении отправителя по почерку. Я дорожу такими моментами и хотел бы продолжить общаться именно так, а не по интернету. И ещё мне кажется странно-притягательным то, что за письмом нужно каждый раз ходить на почту.

Но обычные письма могут скоро надоесть, поэтому предлагаю небольшой эксперимент. У меня были сложные периоды в жизни, во время которых я открывался другим людям. Давай считать, что это наш секрет?

Другими словами, давай писать всё то, что мы бы не рассказали другим людям. О… Я думаю, это хорошая идея. У меня прямо мурашки пошли, хоть её я и придумал.

Раз мы друг друга не знаем, нам нечего бояться. Ты скоро покинешь приют, и больше нас ничего не будет связывать.

Возможно ли незнакомцам полностью довериться друг другу? Не сразу, конечно, но я бы попытался поделиться своими секретами.

Можем считать нашу переписку перепиской с космосом. Если подумать, когда мы встретимся, один из нас может влюбиться и расстроиться, если этим отношениям придёт конец. Ты, может, и не полюбишь меня. Но, если я влюблюсь, а мы пообещаем друг другу никогда не встречаться, то не стану искать лазейки. Тогда можно будет считать, что наши отношения заключены в одни лишь письма. Думаю, это единственный способ для мужчины и женщины стать настоящими друзьями.

Мы можем продолжать переписываться до конца жизни. Знаю, что слишком высокомерно предполагать, что что-то может длиться так долго. Но, даже если переписка продлится, пока мы хотим, меня это устраивает. У меня до сих пор нет друга, которому я мог бы открыться. Ещё рано отчаиваться, мне всего 23, но мне хочется иметь такого человека в своей жизни. Тебе не кажется, что это очень загадочный, великолепный и романтичный концепт – никогда не увидеть человека, который всё о тебе знает?

Если тебя устраивает, я бы исполнил свой план в действие.

Ну а теперь я признаюсь тебе в том, о чём никому ещё не рассказывал. Для начала, я пытался покончить с жизнью пять раз. Последний был в 12 классе. Тогда я наглотался снотворного и болтался между жизнью и смертью три дня.

Но это не совсем секрет – о происшествии писали в газетах, и все вокруг меня знали о нём. Ну хорошо, а что если… Я никогда не ходил на свидания. Мне иногда признавались в симпатии женщины, но я не понимаю, почему они думали, что я им нравлюсь. Это никогда превращалось в настоящую любовь. И сейчас я могу сказать, что никогда не влюблялся. Может, я так нервничаю из-за характера, когда разговариваю с женщинами. Писать не так трудно, а в реальности я бы едва связал два слова. Поэтому – и я знаю, что это звучит странно, – в 23 года я всё ещё девственник.

Никогда бы не подумал, что напишу что-то подобное во втором письме. Но я должен быть готов

сдержать обещание и стараться признаваться даже в таких вещах, раз я хочу, чтобы мы знали друг о друге всю правду.

Нельзя сказать, что я никому не доверял или думал, что не способен на любовь, как ты говорила о себе. Я не настолько закрыт от людей. Одного желания быть близким с кем-то мало. Думаю, я просто выгляжу странно. И ещё я думаю, что ты не неспособна на любовь. Ты просто ещё не знаешь, какого это – любить. И я такой же.

Буду ждать твоего ответа. Когда у тебя появится настроение, напиши мне.

На этом буду заканчивать на сегодня. Какая-то часть меня надеется, что ты поймёшь мои чувства. К тому же, ты говорила, что хочешь доверять другим.

18 Октября

Нагасава Мотоджиро

Дорогой Нагасава Мотоджиро-сама,

Прошу прощения, что так долго отвечала. Мне раньше никогда и никто не предлагал обмениваться письмами. Но ещё я много думала о том, что эта переписка появилась с подачи (и я говорю с намёком на сарказм) Михары-сан, и потому я чувствую себя неуютно.

Это правда, что, по сравнению с другими жестокими работниками приюта, она пыталась вести себя прилично. Но я никогда не поверю, что она так сильно обо мне беспокоится. Впрочем, если я начну размышлять о причинах её поступка, я рискую вызвать лишний негатив. Сейчас, когда я выросла, у нас с ней хорошие отношения. Но, пока я училась в начальной школе, она была далеко не ангелом. Когда Михара-сан избивала меня, она приговаривала, что поступает так, как поступила бы любая мать на её месте. Я была первой, кто пошёл против такого отношения, потому понимаю, почему она меня наказывала. Но не прощу ей того, что она накинулась на меня с карандашом и оставила шрам на моей щеке. Я тогда училась в третьем классе. Были времена, когда отношения межу нами оставались хорошими, были времена, когда её как будто подменяли. Я до сих пор не представляю, какая из этих масок настоящая. Но я скоро уеду из приюта, так что, в целом, мне плевать.

Хотя я подозреваю, что Михара-сан хотела за мной присмотреть. Если я покончу с жизнью, это плохо отразится на репутации приюта, и его долго будут осуждать за беспредел, что в нём творился. Я думаю, что у неё был скрытый мотив. К тому же по слухам она встречалась с директором приюта. Не уверена, что это правда, но всё же.

Можно бесконечно придумывать объяснения чужим поступкам, поэтому я подошла и спросила её лично, а также рассказала о твоём письме. Она честно ответила, что нашла доброго человека со схожим опытом, чтобы я могла поговорить с ним, потому что она обо мне беспокоится. У неё даже слёзы выступили, когда она начала говорить, как сильно хочет, чтобы я стала сильной и не думала о суициде. Она добавила, что, наверное, лезет не в своё дело. Я сорвалась, сказав, что так и есть.

Некоторое время я стойко держалась и убеждала себя не попадаться в её ловушку, но через два дня я снова взялась за твоё письмо и перечитала его. Нет, я перечитывала оба твоих письма снова и снова, до самого вечера. И независимо от её намерений я почувствовала, что хочу продолжать переписку. Это чувство как будто вцепилось в меня и никак не хотело уходить. Так что сегодня я всё же не сдержалась и села писать ответ.

Причина, по которой я это делаю, не в том, что я одинока, и мне просто надо, чтобы кто-то меня выслушал. Мне не нужна жалость. Но нельзя отрицать, что желание написать ответ идёт из глубин моего сердца. Мне показалось, что я просто обязана это сделать, как будто бы после я смогу найти огонёк надежды.

Мне досадно, что я пошла на поводу у Михары-сан, но в то же время (хоть и не совсем понимаю, почему) во мне зародилось чувство надежды. К тому же я хочу согласиться на ваше предложение. Мне кажется, идея никогда не встречаться просто замечательна. От мысли, что мы существуем только внутри переписки, мне намного легче.

Я думаю, что в этом причина, почему мы сможем говорить друг другу только правду. И это тоже замечательная идея. Сначала я, конечно, подумала, что мысль довольно странная, и только посмеялась. Но, если у нас всё получится, это будет мои самым большим достижением. И пусть я смогу доверится только при условии, что мы никогда не встретимся. Я готова на это пойти.

Через письмо я могу коснуться твоего сердца. В каждом слове и каждой строчке, что сплелись в одном тексте, я вижу твой характер.

В то же время мне страшно. Что, если судьба сведёт нас лично? Нас придавит такой штукой, как реальность, и наши хрупкие отношения тут же разрушатся. Поэтому мне бы хотелось, чтобы такой день никогда не наступил. Мы должны сдержать данное обещание. Если кто-то захочет его нарушить, то переписка тут же прекратится. Мы должны быть готовы к этому с самого начала.

Хотя мне очень сложно писать честно. Я не могу понять, с чего и когда мне стоит начать. Ведь, если так подумать, «правду» не так уж и легко найти, да? Часто бывает, что правда, в которую ты верил, оказывается ложью или недомолвкой. А я ещё недостаточно взрослая, чтобы сходу разбираться в таких вещах.

Как бы то ни было, эта идея меня восхищает. Раньше у меня никогда не было подобных отношений. Даже когда я доверялась людям и открывалась им, они всегда выдавали мои секреты. Когда такое случается на постоянной основе, желание открываться людям пропадает.

Однажды я подумала: может ли случаться так, что, если даже правда существует, она искажается и перестаёт быть таковой, когда вы делитесь ею с другими?

Поэтому я так немногословна. Таким образом я оберегаю свою правду и спасаю её от исчезновения. Думаю, люди так легко теряются в себе потому, что слишком охотно выдают свою правду.

Однажды меня кое-что поразило. Это был момент, когда я краем глаза наблюдала за бессмысленным разговором. Я поняла, что они говорили несерьёзно, в их словах не было ни грамма правды. Именно поэтому они ещё не потеряли себя. Именно из-за лжи они могли поддерживать эти отношения. Так они и живут день за днём, подмешивая в правду огромную ложь маленькими порциями. Я подумала, что не способна на такое и не смогу это повторить, а потому только больше закрылась от людей. Тогда они решили, что я их игнорирую и дистанцируюсь от них. Они начали меня подначивать, превратив мою жизнь в ежедневное выживание, усугублённое одиночеством. Поначалу мне казалось, что проблема в том, что я не умею лгать. Я пыталась нести такую же чушь, как они, но у меня ничего не вышло.

Книги спасли меня. Бесконечное количество книг, уложенных друг на друга в библиотеке. Они стали моими единственными друзьями, что открывались мне по желанию. Книги ни разу мне

не солгали, совсем наоборот. Они показали мне правдивую картину паутины лжи. Именно тогда я уже привыкла и обжилась с одиночеством.

Книги научили меня обходиться своими силами. Одиночество всё больше и больше казалось мне приятной компанией. Я также начала понимать, что не все книги в библиотеке идеальны. И в бочке мёда нашлась ложка дёгтя. Но даже этот дёготь был интересен. Я знаю, что звучу заносчиво. Но, когда я читаю книгу, как развлечение, я критикую все её слабые места.

Только благодаря книгам я смога полюбить учёбу и начала получать хорошие оценки. Мне даже не приходилось учиться: информация сама укладывалась у меня в голове по кирпичикам, без каких-то дополнительных усилий.

Но я решила не идти в университет. Есть много заведений, куда я могла бы пойти, но обучение там стоит больших денег. Хоть все и считают, что это не так уж и много, но они-то росли в нормальных семьях. Учителя в приюте говорят, что я могла бы пойти на вечернее обучение и параллельно работать, но… Не знаю, как сказать… Мне ненавистен мир, в котором жить можно, только если закончил университет. Я ненавижу социальные устои, согласно которым женщина должна выйти замуж и родить ребёнка. По-моему, они ужасны. Это ограничивает свободу человека, создаёт ненужные преграды.

Поэтому я хочу устроиться на работу. Я смогу учиться сама. Во мне нет амбиций, которые толкали бы меня в университет. Я просто хочу быть счастливой. Моя цель - стать счастливой. Мысли о смерти возникли из убеждения, что я не это не способна. Суицид стал самым простым выходом из ситуации.

Я думаю пойти работать в сферу по уходу за детьми. У меня уже есть нужные разрешения, я тайком ходила на курсы. Было непросто совмещать их со школой. Думаю, даже сложнее, чем готовиться ко вступительным экзаменам. Но разрешение того определённо стоило.

Я до сих пор не поняла, почему у меня возникла мысль пойти в такую сферу, так что мне нечего сказать по этому поводу. Думаю, частично причина в том, что так я смогу прикоснуться к счастливой жизни других людей. Знаю, что вы можете сказать: ты же сирота, тебе лучше избегать такой работы. Но я так не считаю. Я хочу, чтобы дети заряжали меня своим счастьем. Думаю, что, посмотрев на ребёнка-ангелочка, которого родили молодые и счастливые родители, я смогу понять, чего меня лишили.

Я думаю, что этого будет достаточно, чтобы заполнить дыру в моём сердце. Дети ведь чисты и невинны, да? Перед ними я смогу показать настоящую себя. Раз уж я хочу связать с этим свою жизнь, я бы хотела научиться проявлять себя.

Но пока я никому об этом не рассказывала. Мои учителя до сих пор пытаются убедить меня поступать в университет. Они всё толкуют о стипендиях и о том, что выпускники нашей школы с успехом получают высшее образование. Поэтому они так наседают. Наверное, если учителя узнают о моих планах, они, мягко говоря, удивятся.

Но я думаю, что они не правы. Работа нянечкой важна и помогает воспитывать здоровую и счастливую нацию. Я не хочу тратить жизнь на то, чтобы поддерживать их глупую статистику. Да, после универа у меня, возможно, будет высокооплачиваемая работа, которой все будут завидовать, но я не хочу дать амбициям загубить мою жизнь.

Один учитель сказал мне, что с такими умениями не идти в универ – это всё равно, что выкинуть жизнь на помойку. А как ты думаешь? Правда ли диплом так важен?

Да, меня можно будет назвать выдающимся человеком, но какая польза от жизни этого выдающегося человека? Я просто хочу быть счастливой. Я презираю правило, согласно которому высшее образование начисляет человеку больше социальных очков.

Я планирую искать смысл жизни в работе с детьми. Что ты про это думаешь, Мотоджиро-сан? Пожалуйста, поделись со мной своими мыслями и идеями. Пусть они заставят меня почувствовать себя ужасно, главное, чтобы это была чистая правда.

Искренне твоя,

Тооно Ририрка

15 Ноября

Дорогая Тооно Ририка-сама.

Прошу прощения, что не смог ответить сразу. В горах выпал первый снег, и меня загрузили внезапными делами. Город Хакодатэ, укрытый снегом, совсем не похож себя летом. В нём скрыта настоящая красота, пропитанная печалью, которую невозможно выразить словами.

Знаю, что странно слышать это от оператора канатной дороги, но Хакодатэ заметно изменился с тех пор, как я был ребёнком, во многом потому, что усилился поток туристов. Канатная дорога - хорошая вещь, она оживила город. Но в то же время я чувствую странную грусть, глядя на перекрашенные стены церкви, починенные лестницы и новые кирпичные дома. Такое чувство, будто зашёл в павильон, в котором устроили выставку.

Я не фанат резкого поворота в сторону туризма, потому как у меня есть опасения относительно его влияния на финансовую и демографическую сферы. По моему, если они так уж сильно хотят уйти в туризм, стоит делать акцент на исторической значимости. Возможно, я думаю так из-за любви к Хакодатэ. Этот город может похвастаться не только тем, что он туристический центр, но и своей скромной и простой внешностью. Поэтому Хакодатэ, укрытый снегом, скрывающим всю туристическую шелуху, так красив.

С высоты станции Санчу город выглядит словно песочный замок, и моё сердце трепещет. Я родился в этом городе и умру в нём, а потому чувствую горечь: вся моя жизнь сосредоточена в северном порту с выходом в океан.

Новые родители усыновили меня, когда я пошёл в старшую школу. Своих настоящих родителей я не знал, а приёмные очень добры ко мне, так что в этом мне повезло чуть больше, чем тебе. Летом, когда я был в десятом классе, мой папа умер, и теперь я живу с мамой.

Хоть мы и не кровные родственники, она стала мне настоящей мамой. Этому предшествовало множество событий, но я оставлю их на потом. На работу я попал благодаря отцу, он тоже был оператором канатной дороги. По сравнению с Токио наш город крошечный, и тут не так уж и много вариантов, с чем можно связать свою жизнь. Я мог бы уехать в столицу, но посчитал, что оставить маму одну будет нечестно. Поэтому я не раздумывал, когда работник компании предложил мне место оператора. Он был коллегой отца, а сейчас заведует отделом кадров. Ещё он учился с моей мамой в одной школе, так что благодаря этим связям я влился в их стройные ряды.

Причина, по которой я не пошёл дальше в универ, в том, что я не хотел напрягать родителей и отвергать доброе предложение друга моего отца. Должно быть, тебе странно воспринимать моё желание полагаться на других людей – сама ты хочешь устроить жизнь самостоятельно. Но я

стал таким, какой я есть, благодаря другим людям, и, раз я собираюсь жить здесь до самой смерти, я не хочу пренебрегать ими.

Ещё сыграло роль то, что я рос в маленьком городе, а не в мегаполисе. На окраине страны иногда может казаться, что мы отстаём от всего остального мир. Но связи с людьми влияют на то, как дальше пойдёт твоя жизнь. С одиночеством тут тоже всё не так, как в большом городе. Но утверждать, будто здесь не так одиноко, как в том же Токио, я не могу. В маленьком городе невозможно существовать в отрыве от всех. Ещё мне кажется, что иногда устаёшь видеть одни и те же лица. В мегаполисе можно уехать на другой конец города и проветрить голову, здесь же в любом баре или ресторане будут знакомые люди. У нас нет слухов – все и так всё знают, как бы ужасно это не звучало.

Не знаю, какой из двух вариантов лучше. Но ещё в детстве я решил, что должен наслаждаться той жизнью, которая мне дана, потому никуда не уезжаю.

Поэтому я искренне тобой восхищён. Иметь талант к учёбе и возможность поступить в университет со стипендией, но отринуть этот вариант ради собственного пути к счастью – опыт, который мне не дано получить. Сейчас Хоккайдо испытывает экономический кризис, так что я доволен тем, что у меня хотя бы есть работа.

Выбирать свой путь в жизни – правильно, но не всегда легко. И я думаю, что тебя уже можно назвать счастливой, потому что ты смогла выбрать свой путь. Кроме того, то, что у тебя есть цель в жизни – это замечательная новость.

Если бы меня не усыновили, у меня, возможно, было бы несколько вариантов, как устроить свою жизнь. Я мог бы, например, переехать в Токио. Но усыновление не дало мне выбрать этот путь. Меня забрали из приюта после третьей попытки суицида. Даже зная о них, мои новые родители всё равно решили взять меня. Я не знаю, почему. Может, им было меня жалко. Я до сих пор не спросил об этом маму. Мне слишком страшно узнать правду. Но я всё равно планирую это сделать.

Короче говоря, моё решение стать оператором и вести нормальную (или скучную и простую жизнь) проистекает из желания отплатить моим родителям добром. Они спасли меня от одиночества, которое толкало меня за грань. Хоть я и не уверен, что поступил правильно, но считаю, что моя жизнь должна быть устроена именно так. И я восхищаюсь твоей решимостью строить свою жизнь самостоятельно.

Думаю, уход за детьми – прекрасный карьерный выбор. Я представляю твою улыбку, и как ты окружена маленькими невинными детьми. Не знаю, как ты выглядишь, так что это просто фантазия. Я представляю, как ты играешь с ними в догонялки. Твоё лицо размыто, но со временем у меня получится более целостная картинка.

Михара-сан не приложила твою фотографию к письму. Но это не так уж и плохо. Ведь я могу сам представлять, какая ты. Часть удовольствия от обмена письмами заключается в том, что образ человека выстраивается из его почерка и манеры писать. Уверен, ты чувствуешь то же самое. Представь меня сидящим в кабине управления. Но не думай, что я красив. Я простой парень, живущий в маленьком городке, ничего более.

Рождество уже совсем скоро. Как люди в Токио планируют отмечать праздник? Тут мы ставим ёлку, которую нам доставляют из Канады (она почти 30 метров в длину), украшаем её, а момент, когда огоньки на ней зажигаются, стал местным праздником – церемонией зажжения. В прошлом году, хоть и шёл дождь, но посмотреть на этот процесс собрались тысячи людей.

Ёлка стоит в самом оживлённом местечке Хакодатэ. Тут же мы запускаем фейерверки и слушаем живую музыку. Праздничное настроение быстро перерастает в лихорадку, как будто бы мы не в Хакодатэ, а посреди Нью-Йорка.

Я хочу сводить маму на церемонию зажжения. Сейчас она болеет и много времени проводит в больнице, так что без меня она никуда не ходит. Я хочу крепко держать её за руку и вместе смотреть на мигающие огоньки.

Такие моменты согревают мне душу и сердце, как и людям вокруг. Хоть это и делается в основном для туристов.

Я почти уверен, что вскоре красота нашей ёлки сыщет всенародное признание, и её покажут по телевизору. Если у тебя будет возможность посмотреть на это событие, представь меня и мою маму, стоящих возле неё. Я не христианин, но тогда я начинаю верить в высшие силы, так что я буду молиться за тебя Иисусу Христу.

Я буду молиться, чтобы ты оставалась верна своим убеждениям, не отвлекалась на сомнения. Я буду молиться, чтобы ты стала счастлива! Не давай другим людям решать за тебя, какой дорогой тебе идти. У тебя всего одна жизнь. Я буду поддерживать тебя из северного уголка нашей страны, где появилось слишком много асфальтированных дорожек.

1 декабря

Нагасава Мотоджиру

P.S. Я прочитал твои слова о Михаре-сан. Я никогда её не встречал и могу судить о ней лишь по одному письму. Но теперь буду аккуратней в своих суждениях. Плюс ко всему, она больше со мной не связывалась, а я не связывался с ней.

http://tl.rulate.ru/book/21433/3372415